

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ
МАРКСИЗМА

V

Дом Плеханова"

№ 1277

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

V

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Дом Плеханова"

№ 245

Г. БАКАЛОВ

Г. В. ПЛЕХАНОВ В БОЛГАРИИ

Не о личном пребывании Г. В. Плеханова в Болгарии будем мы говорить. Никогда в Болгарии Плеханов не был, хотя было время, когда крайне стесненное материальное положение эмигранта заставляло его подумывать о кафедре в Софийском университете. Это было в 1892 и 1893 гг. Царскому правительству удалось добиться высылки его из Швейцарии, и он проживал на одной квартире с В. И. Засулич в деревне Морнэ, во Франции, на самой границе Женевского кантона. Нужда, в которой жили Плеханов и Засулич, достигала того, что не всегда у них бывал к чаю сахар. Немного раньше, в 1889 г., открылось Софийское «высшее училище», переименованное потом в университет. Это было при режиме Стамбулова, чья руссофобская политика привела к назначению профессором русского эмигранта Михаила Драгоманова; это обстоятельство могло возбудить и у Плеханова надежды побывать профессором в Болгарии. Летом 1892 г. болгарский студент т. Слави Балабанов, поехал из Женевы на каникулы в Болгарию, где он должен был позондировать почву о приглашении Плеханова в Софийский университет. Но и т. Балабанов и я, взявшийся в следующем году за то же самое дело, убедились, что преследования Стамбуловым нас, учеников Плеханова, не позволяют надеяться на получение нашим учителем профессорской кафедры. Таким образом кафедра не могла привести Г. В. Плеханова в Болгарию.

То поколение, которое впервые образовало студенческую социалистическую группу в Женеве, еще в Болгарии считало Плеханова своим учителем. Слави Балабанова и Христиана Георгиевича Раковского исключили из шестого класса Габровской гимназии (1890 г.) за распространение брошюры Энгельса «Развитие научного социализма», переведенной на болгарский язык с русского перевода В. И. Засулич. В том же году пишущий эти строки, в то время ученик шестого класса гимназии в Филиппополе, выписал в ученическую библиотеку заграничные русские издания (впрочем, полиция Стамбулова их задержала), между которыми на первом плане были издания группы «Освобождение труда»: сборник и № 1 журнала «Социал-демократ», плехановские полемические брошюры и книги и т. д. «Наши разногласия» действовали на меня как откровение. У болгарских студентов того поколения Плеханов пользовался уже славой великого учителя, который шел на смену Чернышевскому. Плеханов раскрывал им марксистское мирозерцание. И у них не было повода в последующие десятилетия сожалеть, что именно через Плеханова они приобщились к марксизму. Колоссальный полемический талант Плеханова помог им освободиться от всяких вредных заблуждений и легче ориентироваться в усложняющихся событиях и отношениях последующих десятилетий.

Многие из болгарских социалистов лично познакомились с Г. В. Плехановым. Я упомяну только о близких к Плеханову его первых учениках. Они составляли часть группы болгарских студентов-социалистов в Женеве (*Groupe des étudiants socialistes bulgares à Genève*). У меня сохранилась фотография всех членов этой группы 1893 г. Тесный круг лиц, находившихся в непосредственной близости к Георгию Валентиновичу, состоял из Х. Г. Раковского, Слави Балабанова, Стояна Нокова и пишущего эти строки. Из них т. Балабанов покончил с собою в 1896 г. в Женеве, а все остальные здравствуют до сих пор и работают как коммунисты.

Плеханов, с своей стороны, ценил этот круг своих молодых болгарских учеников. Особенно восторженно он отзывался о т. Раковском. Его высокое мнение о т. Раковском видно, между прочим, из писем, в которых Плеханов рекомендовал его Вильгельму Либкнехту и Жюлю Гэду. (Письма эти ныне опубликованы.)

По пути на Международный социалистический конгресс в Лондоне (1896 г.), куда я был послан делегатом от болгарской партии, я завернул в Женеву, чтобы увидеться с Г. В. Плехановым, и оттуда мы вместе поехали в Лондон. В его кабинете среди немногих портретов на стенах и на столе находилась и фотография группы упомянутых болгарских социалистов. А расстались мы давно: Балабанова не было уже в живых, я возвратился в Болгарию осенью 1893 г., в следующем году вернулся и Ноков, а Раковский уехал во Францию. Плеханов, должно быть, видел в болгарях одних из первых своих верных учеников.

Я припоминаю, что за время моего студенчества в Женеве (1891—1893 гг.) он два раза выступал по инициативе болгар. 14 марта 1893 г. болгарский социалистический клуб (*Club des socialistes bulgares*) организовал вечер воспоминаний по случаю десятилетия со дня смерти Маркса. Вечер имел интернациональный характер. В числе ораторов, по нашему приглашению, Г. В. Плеханов выступил с великолепным докладом о философии Маркса¹⁾.

Всего лишь неделей позже, 21 марта 1893 г., Плеханов выступил от имени русских социал-демократов на свежей могиле Слави Балабанова...

В 1892 г. в Болгарии начал выходить журнал «Социалдемократ» при ближайшем сотрудничестве упомянутой группы плехановских учеников. Нечего и говорить, что этот журнал носил на себе печать личного влияния самого Плеханова: то же заглавие, та же, с небольшим изменением, виньетка, те же формат и объем; были выпущены четыре книжки. Между прочим в «Социалдемократе» появилась статья Плеханова по поводу шестидесятилетия смерти Гегеля, в переводе с рукописи.

Во время Цюрихского конгресса в 1893 г. мы условились с Плехановым пойти на большой ледник *Mer de glace*, у подошвы Монблана. Я поселился недалеко от Шамони, в затерянном савойском шале на берегу Арвы, куда ко мне приехали с женой Плеханов и т. Ноков, чтобы вместе взобраться на Ледяное море. В этом деревянном крестьянском домике Плеханов написал по-французски на следующее по приезде утро свое письмо в «*L'Ège nouvelle*», включенное теперь в IV том его сочинений под названием «Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе».

¹⁾ См. нашу корреспонденцию — отчет об этом вечере — в газету «Работник», II г., №№ 22 и 23 (Търново, 27 марта и 3 апреля 1893 г.). Там дано резюме плехановского доклада

Связи болгарских социалистов с Г. В. Плехановым не прекратились после того, как эта группа товарищей рассеялась; напротив, связи эти расширялись и углублялись: Г. В. Плеханов стал первым общепризнанным и любимым учителем болгарского марксизма. Мы найдем его влияние везде в болгарском социалистическом движении. Все основные идеи болгарского движения — программные, тактические, организационные — восходят к Плеханову. Никакой иностранец не имел такого глубокого и сильного влияния в истории болгарских народных движений, как Г. В. Плеханов. Необходимо было бы выявить во всех подробностях его идеи в истории болгарского социализма.

Для первомайского номера газеты «Другарь» («Товарищ»), органа болгарской рабочей социал-демократической партии, Плеханов передал через т. Стояна Никова специальную статью-письмо. Мы приводим здесь этот «Привет болгарским рабочим» (под таким названием было помещено не имеющее в подлиннике заглавия плехановское письмо).

ПРИВЕТ БОЛГАРСКИМ РАБОЧИМ ⁴⁾

Привет вам, дорогие болгарские товарищи! Привет от человека, который с самого начала вашего движения следил за ним с величайшим интересом и глубочайшей симпатией; привет в день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется нами солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Первое мая — великий день, это — настоящий праздник рабочих. Правда, требования, которые предъявляют в этот день работники своим эксплуататорам, еще не осуществлены: восьмичасовой день не сделан еще нигде законным рабочим днем. Но теперь уже нет, теперь уже не может быть сомнений в том, что требование рабочих будет удовлетворено. Буржуазия уже начинает сдаваться; она, четыре с половиною года тому назад встретившая решение Парижского международного социалистического конгресса как самую нелепую, как самую несбыточную утопию, видит себя теперь вынужденной понять, что восьмичасовой день не представляет собою ровно ничего невозможного. И она уже старается, как говорят французы, *faire bonne mine à mauvais jeu*. Она делает вид, что сама в этом случае идет нам навстречу. Она сама высказывается за восьмичасовой день. Только... только и здесь она надеется еще обмануть историю. Буржуазия одной страны льстит себя надеждою, что горькая чаша будет выпита не ею, а иностранной буржуазией. Так, некоторые французские буржуа уверяют теперь рабочих, что восьмичасовой день хорош для Англии, но не соответствует условиям производства во Франции. Наверное, недалеко то время, когда немецкие буржуа станут толкать вперед французских, австрийские — немецких и т. д., и т. д. Пусть себе перекоряются эти господа! Мы смеемся над ними теперь совершенно так же, как смеялись, когда они уверяли нас, что требование наше совершенно неосуществимо. Мы знаем, что оно осуществится повсюду; мы знаем также, что этой победой далеко не закончится еще поход пролетариата против капитализма: взяв эту крепость, мы немедленно обложим другую, взяв другую, нападем на третью, и не успокоимся до тех пор, пока в наших руках не окажется вся неприятельская территория.

Буржуазия до сих пор еще не поняла характера современного социализма. Она все еще воображает, что имеет дело с утопистами, которые, занимаясь подробной разработкой планов будущего общественного устройства, оставались в действительной общественной жизни людьми совершенно безвредными для буржуазного режима. Они прежде всего старались обратить на путь истины самое буржуазно, которая смеялась

⁴⁾ «Другарь». София, I г., №№ 33—34, 15 апреля 1894 г., подлинник передан в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

над ними, лишь по временам, лишь в добрую минуту соглашаясь признать, что они не совсем дураки и что есть у них некоторые мысли, которые, может быть, в неизвестной стране и в неизвестное время и найдут себе практическое приложение. Мы поступаем совсем иначе. Мы опираемся не на добросердечие эксплуататоров, а на сознание эксплуатируемых. Мы развиваем это сознание, и каждый новый шаг в его развитии знаменуется для нас новой, практической победой. Время утопий безвозвратно прошло; настало время борьбы, которая окончится лишь торжеством нового общественного порядка.]

Когда буржуазия восстает против сокращения рабочего дня, она рассматривает вопрос исключительно с точки зрения уровня прибавочной стоимости. В действительности самое скромное требование рабочих в этом смысле затрагивает вопрос о самом существовании прибавочной стоимости, о самом существовании капитализма. Раз начав ставить преграды господству слепых экономических сил, производители не остановятся до тех пор, пока не станут полными господами этих сил, а следовательно, и своих продуктов, которые теперь подчиняют их своему господству. Каждое самое незначительное ограничение рабочего дня есть, во всяком случае, победа политической экономии труда над политической экономией капитала.

Вся сила капиталистического строя заключалась в неразвитости классового сознания пролетариата. Едва это сознание стало пробуждаться, капитализм вошел в неустойчивое равновесие, из которого есть только один выход: полное падение существующего буржуазного порядка.

Вот почему, как ни велико в наших глазах то непосредственное значение, которое будет иметь для рабочего класса восьмичасовой рабочий день, еще большую важность приписываем мы тому классовому сознанию рабочих всего цивилизованного мира, которое так блистательно проявляется в день Первого мая. Первое мая — великий день; это настоящий праздник для рабочих; это — торжество совершеннолетия пролетариата.

Людям XIX века, а особенно нам, живущим во второй его половине, выпала счастливая доля видеть самое важное, самое многозначительное явление, какое только знает история. Все прежде совершавшиеся революционные движения совершались, как говорит Маркс, меньшинством и в интересах меньшинства. В XIX веке дело приняло другой оборот. Революционное движение этого века совершается большинством в интересах большинства. И это революционное большинство жадно усваивает величайшие открытия современной общественной науки. В первый раз с тех пор, как наш мир существует, искра сознания запала в трудящуюся массу; но раз запылав туда, она быстро разгорелась огромным пламенем, и вчерашние рабы завтра станут господами; нынешние предметы эксплуатации завтра положат конец всякой эксплуатации человека человеком.

Весело жить в такое время! Весело видеть, как с каждым днем увеличивается наша великая армия свободы, как почти с каждым годом социализм проникает все в новые и новые страны! Социализм — недавний гость на Балканском полуострове, а между тем посмотрите, как он уже окреп в Румынии, как он окреп в Болгарии, где он делает поистине великое просветительное дело, где его литература является едва ли не самой богатой литературой страны.

Привет вам, болгарские товарищи, привет в великий день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется наша солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Г. Плеханов.

В следующем году Г. В. Плеханов послал нам статейку для первомайского номера редактируемой нами газеты «Рабочнически другарь» («Товарищ рабочего»), выходящей в г. Сливене. Как приведенное выше письмо к болгарским рабочим, так и эта статейка и последовавшая за ней полемика с газетой «Молодая Болга-

рия» до сих пор печатались только на болгарском языке. Теперь, когда заботливо собираются все труды Г. В. Плеханова, пора опубликовать их на русском языке, как материал для изучения. К сожалению, рукописи двух помещенных в «Работническом другаре» статей Г. В. Плеханова хотя и сохранились, однако не находятся пока в моих руках и при теперешних обстоятельствах не могут быть получены. Вот почему я принужден переводить их с болгарского перевода.

«Заметка», как Плеханов в письме ко мне называет свою статейку, была помещена в № 27 «Работнического другаря» 26 апреля (ст. ст.) 1895 г. Вот она, в переводе с болгарского:

«ЗАМЕТКА»

Дорогие товарищи!

Снова пришел день 19 апреля (1 мая), — день международной рабочей манифестации, настоящий праздник международного братства.

Вы знаете обязанности, налагаемые на вас международной солидарностью. Не позволяйте другим злоупотреблять великими словами, не давайте обманывать болгарских рабочих.

В Болгарии все чаще и чаще начинают говорить теперь о примирении с Россией.

Я родился в России и горячо люблю эту страну, хотя русские жандармы и их единомышленники называют меня изменником. Мои силы посвящены русскому народу.

Но именно потому, что я люблю Россию и русский народ, я вижу яснее, чем равнодушные к благу нашей страны, насколько интересы русского правительства противоположны интересам русского народа.

В международных сношениях представителем России является русское правительство. Вот почему сближение с Россией для всех других стран означает сближение с русским правительством, с русским царизмом — злейшим врагом русского народа.

Французская буржуазия сблизилась с Россией; но этим она только показала, насколько низко пала она в настоящее время; она показала, что уже созрела для гибели, которую ей готовит французский пролетариат.

Болгарская социал-демократия, полная свежих сил, юношеской энергии и искреннего энтузиазма к свободе, не пойдет по стопам развращенной французской буржуазии.

Она всеми силами будет сопротивляться сближению Болгарии с Россией по той простой причине, что каждый новый союзник русского правительства есть в то же время новая опора царизма.

Она выполнит свой международный долг, сочувствуя русскому революционному движению и поддерживая его всеми зависящими от нее средствами.

До тех пор, пока русский царизм не перешел в область преданий, социал-демократы всех стран должны стараться изолировать Россию. Другой политики по отношению к ней у них нет и не может быть.

Некоторые болгарские «демократы» осуждают теперь эту политику болгарской социал-демократии. Покажите им, товарищи, что они или не искренни или совсем близоруки.

Да здравствует русское революционное движение! Да здравствует социал-демократическая Болгария!

Г. Плеханов¹⁾.

¹⁾ Характерным для тогдашнего отношения болгарских марксистов к Г. В. Плеханову является примечание редакции «Работнического другаря», которое мы здесь приводим: «Это письмо многоуважаемого и любимого нашего товарища и учи-

В приведенном письме Плеханов с присущим ему полемическим задором бросает перчатку тогдашним болгарским «руссофилам», т. е. приверженцам царизма. Один из них, не по разуму усердный, — Дмитрий Ризов¹⁾ — принял вызов Г. В. Плеханова. Сожалел ли он потом — не знаю. Думаю, что — да. Когда была напечатана вызванная плехановской «заметкой» статья Ризова об отношении социал-демократии к русскому царизму, мы послали ее Г. В. Плеханову с просьбой ответить автору. Вот этот

«ПРИЯТНЫЙ» ОТВЕТ «МОЛОДОЙ БОЛГАРИИ».

В № 12 «Молодой Болгарии» мне было поставлено несколько вопросов по поводу моего письма, напечатанного в № 37 «Работнического друга». Лишь теперь я имею возможность ответить на эти вопросы. Недостаток времени принудил меня отложить свой ответ, хотя я часто вспоминал заключительное слово заметки, посвященной мне в «Молодой Болгарии» — ч а к а м е (мы ждем).

Автор заметки говорит, что ему приятна полемика со мной, потому что я будто бы, в отличие от болгарских социалистов, уважаю мнение своих противников и не стараюсь представить их намерения в некрасивом свете. Хорошо еще и то, что я, в борьбе со своими противниками, не прятался за псевдонимами и начальными буквами. По всему видно, что автор заметки очень не любит псевдонимов и начальных букв. Он настолько их ненавидит, что предпочитает напечатать свою заметку а н о н и м н о. Я не скажу, чтобы вследствие этого обстоятельства полемика с ним мне стала особенно приятной. Но это не имеет большого значения. Перехожу прямо к вопросам, которые задает мне не любящий псевдонимов и начальных букв неизвестный автор.

«1. Имеет ли интеллигенция нравственное право силой навязывать народным массам свои чувства и убеждения, какими бы спасительными они ни были? И если она имеет это право, то какая тогда разница между русским царизмом, стамбуловским «внутренним убеждением», стоиловским «моральным влиянием»²⁾, турецким деспотизмом и социализмом?»

Можно подумать, что в своем письме я советовал болгарской интеллигенции а с и л ь н о навязывать свои чувства и убеждения болгарскому народу. Ничего подобного я не говорил, как может убедиться всякий, кто потрудится прочитать мое письмо. Неизвестный автор, который не любит псевдонимов и начальных букв, решился, как видно, применить н а с и л и е над своими чувствами и, отступая от прекрасного своего правила, выступить против меня с и н с и н у а ц и е й. Это большая самоотверженность с его стороны; для честного человека нет большей жертвы, чем жертвы своими правилами и убеждениями.

теля Георгия Валентиновича Плеханова послано нам специально для нашего красного майского номера. Но так как оно получилось поздно, мы его помещаем теперь».

¹⁾ Полемика Д. Ризова была помещена в его газете «Молодая Болгария» без подписи, но все болгарские читатели знали, что автор — Ризов. Дмитрий Ризов в сущности не был руссофилом, как можно заключить из его четвертого вопроса к Г. В. Плеханову. Скорее он был руссофобом, хотя политическая позиция его была очень шаткой. Во всяком случае, свою политическую карьеру он начал с выступления против царско-русской политики в Болгарии — с участия в присоединении Восточной Румелии (Южной Болгарии) к Северной Болгарии (6/19 сентября 1885 г.) и кончил эту карьеру берлинским послом Болгарии во время войны.

²⁾ Во время своей диктатуры в Болгарии Стамбулов заявлял, что он правит страной, сообразуясь только со своим «внутренним убеждением». После падения Стамбулова (18/31 мая 1894 г.) министром-президентом Болгарии стал основатель консервативной буржуазной «народной» партии Стоилов, назвавший «моральным влиянием» террор, при помощи которого он производил выборы. — Г. Б.

Ни я, ни болгарские социал-демократы не имеем ничего общего с анархистами, которые, действительно, не отказываются силой навязывать свои взгляды (динамитом и т. п.) кому бы то ни было. Если бы наш неизвестный автор понял смысл задачи, которую мы себе ставим, он бы не упрекнул нас в стремлении к насилию над «народом». Правда, с нашей точки зрения рабочему классу, который понимает свои экономические и политические интересы, принадлежит право расправиться, как он хочет, т. е., между прочим, и насильно, с своими врагами. Но о насилии над народом в этом случае не может быть и речи.

Самое противопоставление интеллигенции народу показывает, насколько автор не понимает современного социализма и насколько он находится под влиянием нелепых представлений, свойственных части русской «интеллигенции».

«2. Если допустим, что интеллигенция имеет упомянутое нравственное право, то какие исторические факты устанавливают, что насильно навязанные массам чувства и убеждения могут пустить глубокие корни?»

Если, как это очевидно, первый вопрос не имеет никакого смысла, то нет смысла и во втором вопросе, который только прикрывает инсинуацию своей готовностью пуститься в исторические споры.

«3. Может ли маленькое государство, находящееся в вассальных отношениях к крупным государствам, находиться в неприятельских отношениях с некоторыми из них, не попадая в политические и социальные кризисы, которые составляют путь их развития?»

Противопоставление «интеллигенции» «народу» позволяет мне думать, что анонимный автор заметки знаком с русской литературой. Если мое предположение правильно, то он, должно быть, читал знаменитую у нас и поистине замечательную комедию Грибоедова «Горе от ума». Он помнит представленный там тип мелкого чиновника — Молчалина, у которого два таланта — «умеренность и аккуратность» и который старается угождать «без изъятия» всем, стоящим выше его. Политика Молчалина, как видно, та же политика, которую неизвестный, не любящий псевдонимов автор желал бы навязать — не знаю, насильно или как-нибудь иначе — Болгарии. Эта политика очень не сложна. С начала мира ее придерживались все рабы по «чувству и убеждению». Но напрасно автор думает, что если Болгария придерживается ее, то она избежит «политического и социального кризиса». Совершенно напротив, — Россия не помирится с Болгарией иначе, как при условии, чтобы последняя вполне ей покорилась. А покорность Болгарии означает полновластие русских чиновников в этой стране. А полновластие русских чиновников означает полный кризис в глазах каждого, кто не считает, что нормальное развитие страны, это — ее подчинение кнуту и палке. Неизвестный автор забыл, как видно, болгарский кризис 1881 года. Если же он его не забыл, то он должен знать, какое участие приняло в нем русское правительство и его чиновники.

Автор оставляет «в стороне» исторический вопрос: «что бы представляла теперешняя Болгария, если бы не было русского царизма», и не является ли болгарская социал-демократия порождением именно русского царизма? Напрасно он оставляет этот вопрос в стороне. Это очень существенный вопрос. Что русская политика привела к свержению турецкого ига, тяготевшего над Болгарией, в этом нет никакого сомнения, это — исторический факт. Но для чего русская дипломатия стремилась свергнуть турецкое иго, тяготевшее над Болгарией? Чтобы заменить его русским игом. Болгаре должны были понять это и принять свои меры против намерений русской дипломатии, а не заменять ненависть к турецкому игу подстановкой своей шеи под иго русского царя. Русское иго прочнее турецкого. Дед Иван умеет крепко держать свои жертвы. Если неизвестный автор не знает этого, пусть он обратится к полякам: они ему расскажут много поучительного о политике деда Ивана.

«4. Если когда-нибудь «русский царизм» прижмет Болгарию несколькими тысячами сыновей «русского народа», то сколько человек «социал-демократов всех стран»

явятся в Болгарию, чтобы «оберечь «свободу» болгарского «пролетариата» и неприкосновенность «болгарской социал-демократии?»»

Этот вопрос вполне достоин Молчалина, каким показал себя еще в третьем вопросе сотрудник «Молодой Болгарии». Молчалин, разумеется, всегда согласился бы, что помощь русского полицейского вернее помощи международной социалистической партии. Но Молчалин был и останется наивным невеждой. В сущности социал-демократия и теперь имеет огромное влияние как на внутренние отношения западноевропейских стран, так и на их взаимные, т. е. международные, отношения. Эта вполне заслуженная ненависть, которую социалисты всех стран питают к русскому правительству, и теперь еще очень значительно охлаждает воинственные порывы и завоевательные планы последнего. И с каждым днем политическое значение социал-демократии увеличивается, а потому и ослабляется влияние русского царизма. Но, может быть, автор заметки предпочитает влияние русского полицейского участка влиянию социал-демократов? Тогда, понятно, он должен мириться с Россией.

Заметка нашего автора дает нам повод думать, что болгарские социалисты считали его не чуждым влиянию русского рубля. Если это действительно так, то мои болгарские товарищи не правы. Зачем русское правительство, вечно нуждающееся в деньгах, станет покупать людей, которые сами лезут в капкан или увлекаются бесстыдными фразами об освобождении Болгарии царем, будто бы не имевшим в виду ничего другого, кроме славянской свободы? Таких людей не покупают, их берут даром.

В своем письме я говорю: «Французская буржуазия сблизилась с Россией; но этим она только показала, насколько низко она пала в настоящее время, показала, что уже созрела для гибели, которую ей готовит французский пролетариат». Известный автор заметки, приводя мои слова, искажает их несколькими строчками ниже. Он приписывает мне фразу: «Как низко пала в настоящее время французская республика». По-моему, французская республика не пала и не упадет до тех пор, пока в ней есть пролетариат, который своим движением уже оказал столь великие неопценимые услуги всему человечеству. Но французская буржуазия воистину пала, что доказывает ее союз с царем. К чему мой противник искажает мои слова? У нас в России, да и во всем цивилизованном мире, такие поступки называют недобросовестными.

Я кончил. Не знаю только, будут ли «приятны» неизвестному автору заметки мои ответы.

Г. Плеханов.

Полемическую статью «Приятный» ответ «Молодой Болгарии», на которую «известный автор», т. е. редактор «Молодой Болгарии» Дмитрий Ризов, не ответил, Г. В. Плеханов послал нам с письмом; письмо это ныне находится в Институте Маркса и Энгельса. Оно — без указания времени и места, однако по конверту видно, что оно было послано из Женевы, а штампель станции г. Сливена, где оно было получено, свидетельствует, что письмо дошло до места назначения 20 апреля (ст. ст.) 1895 года.

Вот это письмо:

Милый человек!

Посылаю Вам заметку для «Другаря». Простите, что не послал ее раньше. Я был: 1) страшно занят; 2) болен, что мешало мне работать. Надеюсь, что «Млада Болгария» удовлетворится моим ответом. Во всяком случае, следите за нею и пришлите мне ее ответ тотчас по его выходе. Я теперь буду отвечать им скорее.

Что Вы подельваете? Следите ли Вы за полемикой, которую ведут марксисты в России с Михайловским и компанией? Пишите. Моя жена шлет Вам горячий привет.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

Г. В. Плеханов спрашивал: слежу ли я за полемикой русских марксистов с народниками? Конечно! Болгарские социалисты, знавшие русский язык, внимательно следили за ней. В ее процессе вырабатывалось идейное оружие марксизма в экономически отсталых странах. Эта полемика различными путями проникала в Болгарию, и на ней воспитывалось целое поколение убежденных болгарских марксистов.

На первом плане в этой полемике выступало блестящее сочинение Г. В. Плеханова, вышедшее легально в России под псевдонимом Н. Бельтова, под заглавием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Влияние этой книги в Болгарии было громадным. Только что получив книгу, мы поспешили выпустить ее болгарский перевод, под другим названием.

Книге, — пишет со слов издателя т. Д. Б. Рязанов в предисловии к седьмому тому сочинений Плеханова, — дано было «умышленно неуклюжее имя», чтобы легче протолкнуть через цензуру, — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», — имя, которое одинаково могло относиться к идеалистическому или материалистическому пониманию истории. «Проще было сказать, — пишет по этому поводу Плеханов в предисловии к изданию, которое должно было выйти во время войны, — в защиту материалистического взгляда на историю или в защиту марксизма».

Такое же название дали бы мы болгарскому переводу «книги Бельтова», если бы для нас была существенна полемика («в защиту»), а не само изложение. Вот почему мы назвали книгу в болгарском переводе «Философско-исторические взгляды Карла Маркса», против чего автор не возражал.

Я обращался к Г. В. Плеханову с просьбой написать предисловие к болгарскому изданию и позволить выпустить перевод под другим названием, а также, — если это можно сделать, никому не повредив, — объявить автором Плеханова вместо Бельтова. Вот ответ Плеханова (из Женевы, печать сливенского почтамта 16 октября ст. ст. 1895 г.):

Дорогой Бакалов!

Заглавие переменить Вы, конечно, можете: это часто делается в переводной литературе. Но предисловия написать автор не может: это его сильно скомпрометировало бы в глазах русских властей. Изменять имя тоже невозможно: об этом нечего и думать. Если от себя сделаете предисловие, то не называйте автора социал-демократом и вообще не третируйте его как человека, занимающегося политикой: все это его скомпрометирует и, — что всего хуже, — далеко не одного его. Говорите о нем только как о теоретике: это единственный тон, в котором можно говорить о нем. Противникам своим он не отвечал по обстоятельствам, от него не зависящим. Мне очень приятно видеть из Ваших писем, что Вы все так же неутомимо работаете на пользу болгарской социал-демократии. Итак, еще раз: осторожность и благоразумие.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Плеханов.

Возражения Плеханова — «Несколько слов нашим противникам», помещенные в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПБ, 1895 г.), не вошли в болгарское издание, так как этот сборник был арестован и

сожжен, и в Болгарию не попало ни одного экземпляра из той сотни, что удалось спасти.

Откуда мы знали, что Н. Бельтов — это Г. В. Плеханов? Блестящее талантливое изложение и такая же полемика выдавали Плеханова во всех многочисленных его работах, которые он подписывал все новыми и новыми псевдонимами. Никто другой не мог написать «Монистического взгляда»! Безошибочно мы, болгарские ученики Плеханова, узнавали все его псевдонимы. И те его труды, которые не имели специфически русского характера, мы подносили в переводе болгарским читателям в журналах, сборниках или в отдельных книжках. Таким образом Г. В. Плеханов оставался непрерывно в продолжение двух десятилетий добрым учителем болгар. Для нас он был своим: мы поддерживали с ним непосредственные связи, держали его в курсе болгарских партийных дел, посылали ему болгарскую марксистскую литературу.

Интересно, что свой взгляд на всемирную войну 1914 г. Г. В. Плеханов впервые и обстоятельно развил в виде письма к болгарскому «товарищу»¹⁾ и что даже по этому вопросу, по которому мы должны были разойтись и разошлись с нашим учителем, — его авторитет был настолько большим, что эта его статья-письмо помещена была в журнале партии «Новое время», выходившем под редакцией Д. Н. Благоева.

Для молодых сторонников марксизма в Болгарии Г. В. Плеханов не мог быть тем, чем был он для ряда поколений, начиная с Благоева и кончая социал-демократией до войны. Некоторым из тех, кто пришел в революционное движение после войны, имя Плеханова известно только по наслышке, да и то более как имя противника, чем как имя учителя по теории марксизма. Однако и в Болгарии намечается поворот к Плеханову — революционному марксисту. То, что делает Плеханова бессмертным учителем, — его блестящие теоретические работы, — снова привлекает к себе болгарских революционеров. Коммунистическая молодежь в Болгарии начинает тоже учиться у Плеханова, как учились у него первые болгарские социал-демократы, старая гвардия марксистов. Его время не прошло. Как в прошедшем, так и в будущем гений Г. В. Плеханова будет окрылять его болгарских учеников.

1) Кстати об этом «товарище». Это — врач, Захарий Петров, кончивший медицинский факультет в Цюрихе в середине 90-х годов. Плеханов знал его по Цюриху, где З. Петров находился в близких отношениях с П. Б. Аксельродом. Приехав в Болгарию, З. Петров сразу отошел от социалистического движения, сделался военным врачом и не принимал никакого участия в политической жизни. Перед войной он вдруг начал сотрудничать в германофильской газете «Камбана» («Колокол»), содействуя Родославову и Фердинанду в их политике толкнуть Болгарию на сторону Германии. Предполагая, что Г. В. Плеханов как революционер выскажется против русского царизма и что его авторитет поможет Болгарии, отделившись от Антанты и России, примкнуть к Германии, доктор Захарий Петров обратился к Г. В. Плеханову с просьбой высказаться о войне. Плеханов высказался в письме к З. Петрову, считая его, по старой памяти, все еще социал-демократом. Ответ Плеханова, конечно, не понравился З. Петрову, и он, вместо того чтобы воспользоваться им в «Камбане», передал плехановское письмо «тесным социалистам», которые и напечатали его в журнале «Ново време». Взгляд Плеханова на войну так не понравился доктору Петрову, что Петров ругал Плеханова личничной бранью. Доктор Петров кончил жалко: его судили во время войны за взяточничество, и он покончил с собою.

Из всех великих русских писателей и общественников, имевших большое влияние на болгарское революционное движение, первое место по времени занимает Н. Г. Чернышевский, затем идет М. А. Бакунин. Их воздействие ограничилось, однако, только кучкой интеллигентов, хотя между этими людьми находился человек такого крупного масштаба, как Христо Ботев. Затем приходит Г. В. Плеханов. Его влияние гораздо глубже и прочнее. Оно простирается на ряд поколений. Еще у колыбели болгарского рабочего движения вырастает его могучая фигура, и все движение развивается под непосредственным его влиянием. С этим влиянием может сравниться только влияние В. И. Ленина, которое, по времени следуя за влиянием Г. Плеханова, сейчас уже перерастает его по широте охвата.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

- Д. Рязанов.— Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи 3

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

- Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову.— С предисловием Д. Б. Рязанова 19

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

(1918—30 мая—1928)

- Г. В. Плеханов.— Два слова читателям-рабочим 40
Г. Баналов.— Г. В. Плеханов в Болгарии 45
М. М. Ковалевский о книге Бельтова. Сообщение Б. Н—ского 56

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому. С предисл. Ю. М. Стеклова 57
Х. Раппопорт.— Воспоминания о Фридрихе Энгельсе 75

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- I. О письмах В. И. Засулич к Г. В. Плеханову.— Б. Николаевского 78
II. Диалектический материализм и история мировоззрений 82
III. Психология и марксизм 88
IV. Исторический материализм 92
V. Политическая экономия 99
VI. История революционных движений 112

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

- К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса 119
Выставка по истории Великой французской революции 126
(Музей Института К. Маркса и Ф. Энгельса).